

Лейбин В.М., д.ф.н., профессор,
ведущий научный сотрудник Института системного анализа РАН,
почетный член Русского психоаналитического общества,
г. Москва, Россия

МАЛОИЗВЕСТНЫЙ ФРЕЙД¹

СЦИПИОН И БЕРГАНЗА

Чтение художественной литературы было одним из любимых занятий Фрейда. Начиная с отрочества подобное занятие стало неотъемлемой частью его жизни.

Он любил дарить книги своим близким, друзьям и сам с удовольствием получал подобные подарки.

Как старший брат, Фрейд давал своим сестрам советы относительно того, что следует им читать в соответствующем возрасте, а от знакомства с какими романами, например Бальзака и Дюма, следует пока воздержаться.

Проявившееся в детские и юношеские годы пристрастие к художественной литературе сохранилось у него на всю жизнь. Приходится только удивляться тому, как, будучи столь занятым своей исследовательской и терапевтической деятельностью, он умудрялся находить время для чтения художественных произведений.

Известно, что до того, как Фрейд стал основателем психоанализа, он читал “Ярмарку тщеславия” Теккерея, “Миддлмарч” Элиота, “Освобожденный Иерусалим” Тоссо, “Историю Тома Джонса, найденыша” Филдинга, “Холодный дом” Диккенса и многие другие, включая произведения Дизраэли, Келлера, Твена, Байрона, Скотта, Гете, Гейне, Лессинга, Кальдерона, Хаггарда.

По некоторым данным, в восьмилетнем возрасте Фрейд начал читать Шекспира и впоследствии неоднократно перечитывал его. При удобном случае он использовал соответствующие цитаты из шекспировских пьес и, как свидетельствуют его письма различным корреспондентам, а также психоаналитические работы, ссылки на те или иные произведения Шекспира, будь то “Гамлет”, “Король Лир”, “Леди Макбет” или “Венецианский купец”, являлись составной частью его различных текстов.

Помимо наслаждения, которое Фрейд получал от чтения шедевров мировой литературы, последние инициировали изучение им иностранных языков. Так, в детстве он пробовал читать произведения Шекспира на английском языке. Чтение книг Сервантеса побудило его к изучению испанского языка, что имело место в то время, когда он учился в гимназии и дружил с Эдуардом Зильберштейном.

В зрелые годы основатель психоанализа не рассказывал об этом, и о его пристрастии к произведениям Сервантеса стало известно лишь после того, как была опубликована его переписка с невестой. В одном из писем, датированном 7 февраля 1884 года, Фрейд написал своей невесте, Марте Бернайс, о том, что его снова навещил Зильберштейн, и в связи с этим сообщил:

“Мы проводили вместе все время, свободное от школьных занятий. Вместе изучали испанский, придумывали загадочные истории и таинственные имена, почерпнутые из книг Великого Сервантеса”.

Однажды в хрестоматии по испанской литературе Фрейд со своим другом нашли повествование Сервантеса, героями которого были две собаки. Расположившись возле дверей госпиталя в Севилье, эти собаки вели философско-юмористический диалог. Фрейду и его другу так понравился этот диалог, что они решили присвоить себе имена собак. Фрейд назвал себя Сципионом, его друг – Берганзой.

---

¹ Главы из книги «Зигмунд Фрейд: психопозитический портрет», М., 2006.

Осваивая испанский язык, читая работы Сервантеса, оставляя друг другу записки на испанском языке, чтобы их содержание не могли прочитать посторонние, они так и называли себя. В конце записок своему другу Фрейд подписывался: “Твой верный Сципион ждет тебя возле госпиталя в Севилье”.

Интересно отметить, что после увлечения философствующими собаками, образно описанными Сервантесом, Фрейд долгое время не проявлял никакого интереса к живым собакам. И только на склоне лет навеянный Сервантесом юношеский энтузиазм вновь дал знать о себе, в результате чего в его доме появились четыре собаки, скрашивающие его жизнь, омраченную раковым заболеванием.

ИХТИОЗАВРИЦА

В юношеские годы у Фрейда было одно романтическое увлечение. Девочку звали Гизелой. Она была сестрой одного из школьных друзей Фрейда Эмиля Флюса, который, как и Эдуард Зильберштейн, учился в Вене.

Родители Гизелы Флюс жили во Фрайберге, где родился Фрейд. Находясь в дружбе с Эмилем Флюсом, Фрейд несколько раз ездил с ним во Фрайберг, где познакомился с его сестрой, которая училась в другом городе, но приезжала домой на каникулы к родителям.

Во время первого знакомства с Гизелой в 1871 году ему было пятнадцать лет, а ей – двенадцать лет. Через год шестнадцатилетний юноша влюбился в Гизелу, фамилия которой в переводе с немецкого языка (Fluss) означала “река”.

По аналогии с тайными именами Сципион и Берганза, которыми пользовались Фрейд и Зильберштейн в своей переписке, Гизеле также было дано секретное имя. В переписке между друзьями она значилась под именем Ихтиозаврицы, то есть доисторической рыбы.

Сципион (Фрейд) признался Берганзе (Зильберштейну) в том, что влюбился в Ихтиозаврицу (Гизелу). Он говорил и писал своему школьному другу о ее черных волосах, прекрасном носе и в тоже время о своей сдержанности, застенчивости.

С поступлением на медицинский факультет Венского университета первая влюбленность Фрейда в тринадцатилетнюю девочку прошла. Однако образ Ихтиозаврицы надолго сохранился в его памяти. Позднее в своих воспоминаниях он писал:

“Мне было семнадцать лет, дочери моих хозяев – пятнадцать, я сразу же влюбился в нее. Впервые в моем сердце поселилось столь сильное чувство, но я держал его в строжайшем секрете. ... Я точно помню, что в первую нашу встречу на ней было желтое платье, и долго еще этот цвет, случайно попав мне на глаза, заставлял учащенно биться мое сердце”.

Судя по всему, в своих воспоминаниях Фрейд немного напутал с возрастом Гизелы, которой к моменту его влюбленности в нее было не пятнадцать, а тринадцать лет. Тем не менее, эти воспоминания оказались важными в плане понимания работы бессознательного.

В 1899 году Фрейд написал работу “Покрывающие воспоминания”, в которой под видом пациента описал, по сути дела, самого себя. Речь шла о воспоминаниях, касающихся желтого платья Гизелы, но имеющих отношение к более ранним воспоминаниям о желтых одуванчиках, связанных с эпизодом на цветочном лугу, когда маленький Фрейд и соперничавший с ним Джон отнимали цветы у его племянницы Полины.

НАРЦИССИЧЕСКАЯ КОШКА

Однажды в кабинет Фрейда через окно пробралась кошка. Основатель психоанализа был напуган, поскольку в его кабинете находилась дорогая для него коллекция древностей и он имел все основания опасаться за их сохранность, поскольку своими неосторожными движениями кошка могла не только нарушить установленный порядок, но и нанести определенный ущерб.

В его кабинете находилось более сотни различных статуэток египетского и греческого происхождения. Имелись деревянные, глиняные и мраморные изображения различных богов и богинь, включая Гора, Осириса, Пана, Нейт, Силены. Стояли различные фигурки Будды, Эдипа, Сфинкс. На письменном столе стоял барельеф из египетской гробницы. Полки были заставлены вазами и различными предметами, найденными при археологических раскопках. Словом, внезапно появившаяся в кабинете Фрейда кошка действительно могла нанести невосполнимый ущерб его коллекции древностей.

К тому же Фрейд не испытывал восторга от домашних животных. На протяжении многих лет у него не было ни кошек, ни собак. И только позднее у Фрейда появился живой интерес к собакам.

В 1926 году им была приобретена восточноевропейская овчарка Вольф. Она сопровождала дочь Анну в прогулках по окрестным лесам. Два года спустя Фрейд во время летнего отдыха взял с собой чау-чау Люн-Ю – подарок, преподнесенный ему Дороти Бэрлингем, которая стала другом его семьи. Потом эту собачку сменила другая, которую называли Джо-Фи.

В конце своей жизни Фрейд испытывал радость от общения с появившимися у него собаками, включая, Джо-фи и Вольфа. По некоторым воспоминаниям близких основателя психоанализа во время приемов пациентов Джо-фи располагалась под столом, на котором находились многочисленные произведения античного искусства, и начинала зевать в тот момент, когда психоаналитический сеанс завершался.

В конце 1936 года Фрейд писал Марии Бонапарт:

“Часто, когда я глажу Джо-Фи, я ловлю себя на бормотании одной мелодии, в которой, несмотря на всю свою немзыкальность, я могу узнать арию (Октавио) из “Дон Жуана””.

Визит кошки к Фрейду пришелся на сравнительно ранний период его терапевтической деятельности. Это произошло в тот период, когда его кабинет был расположен еще на первом этаже. Некоторые экспонаты его коллекции древностей были временно расставлены на полу. Поэтому, увидев как кошка, которая, первоначально расположившись на кушетке, затем спрыгнула на пол и стала обнюхивать произведения искусства, Фрейд замер в испуге, не решаясь ее прогнать.

Непрошенная гостья, от удовольствия мурлыча себе под нос, изящно и грациозно прошла между расположенными на полу фигурками. К удивлению и радости Фрейда она не уронила ни одной из них, в результате чего он был покорен незнакомкой. В благодарность он приказал принести ей молока.

Когда в следующий раз кошка вновь посетила кабинет Фрейда, так же грациозно проходя между предметами древности, основатель психоанализа уже не испытывал чувство ужаса. Напротив, его восхищение от грациозности кошки росло изо дня в день. Он заранее готовил блюдце с молоком, полагая, что кошка будет безмерно благодарна ему.

Однако кошка оказалась нарциссической. Она не обращала никакого внимания на Фрейда. Все его старания ни к чему не приводили, поскольку кошка испытывала полное равнодушие к основателю психоанализа. Чтобы привлечь к себе внимание, ему приходилось, сидя в кресле, опускать одну из ног на пол и покачивать ею. Только в этом случае кошка обращала внимание, да и то не на Фрейда, как человека, а на носок его покачивающегося ботинка.

Такое общение Фрейда с нарциссической кошкой продолжалось довольно длительное время, пока однажды он не обнаружил, что она больна. Несмотря на лечение, она умерла, так и не удостоив основателя психоанализа, который привязался к кошке, своим особым расположением. В отличие от его пациенток, которые с обожанием относились к нему, кошка оказалась на удивление эгоистичным и самодостаточным существом.

Впоследствии, когда у Фрейда появились собаки, опыт общения с нарциссической кошкой оказал, видимо, свое воздействие на основателя психоанализа. В частности, он настолько привязался к чао-чао Джо-фи, которая была у него на протяжении семи лет, что в одном из писем Марии Бонапарт в конце 1936 года написал о возможности глубокой любви к

животному. Такое признание было сделано им в ответ на рукопись книги Бонапарт о Топси, которую греческая принцесса прислала ему:

“Эта книга мне дорога; она столь волнующе правдивая и искренняя. Конечно, это не аналитическая работа, но в ней царит дух аналитического поиска правды и знания. В ней действительно даются реальные обоснования тому замечательному факту, что можно любить некое животное, как Топси (или как моя Джо-Фи), столь глубоко: любовь без какой-либо амбивалентности, простота жизни, свободной от конфликтов цивилизации, которые так тяжело терпеть, красота существования, завершенного в самом себе”.

Нарциссическая кошка и собачка Джо-Фи по-разному относились к Фрейду. Первая игнорировала его, вторая терпеливо ждала, когда он закончит прием очередного пациента. Объединило их между собой лишь то, что, как и в случае с нарциссической кошкой, Фрейду не удалось спасти Джо-Фи, которая заболела, ей была сделана операция, но спустя два дня она внезапно умерла.

К тому времени Фрейд уже не мог жить без собаки. У него вновь появилась чао-чао Люн-Ю, которую за несколько лет до смерти Джо-Фи ему подарила Дороти Берлингэм (она прошла анализ у Фрейда, сняла квартиру в том же доме, где он жил, и, фактически, стала частью его семьи), но которую пришлось вернуть хозяйке, поскольку Джо-Фи проявляла сильную ревность.

ОПАЛЕННОСТЬ ЖАРОМ ЛЮБВИ

Фрейд понимал, какому профессиональному риску может подвергаться любой психоаналитик. Этот риск связан, по его собственному выражению, с опаленностью жаром любви, когда психоаналитик начинает испытывать сильнейшие чувства по отношению к пациенту и когда собственная всепоглощающая страсть затмевает его разум.

Сам Фрейд избежал судьбы опаленности жаром любви. Но он был свидетелем того, как жар любви охватил одного из его сподвижников. Речь шла о швейцарском враче Карле Густаве Юнге, который оказался во власти опалившего его Эроса, вызванного к жизни молодой пациенткой из России.

Этой пациенткой была Сабина Шпильрейн из Ростова-на-Дону, девятнадцатилетняя черноволосая девушка, поступившая на лечение в цюрихскую лечебницу Бурхгёлци в августе 1904 года. Ее лечащим врачом стал Юнг, которому в то время было тридцать лет. Он состоял в браке, имел двоих детей и ожидал появления на свет третьего ребенка.

Для Юнга это был первый случай терапевтической деятельности, когда он стал использовать психоаналитический метод Фрейда. Лечение продолжалось на протяжении чуть более девяти месяцев, после чего пациентка была выписана из больницы и поступила на медицинский факультет Цюрихского университета.

Во время лечения молодая девушка влюбилась в своего лечащего врача. Юнг это осознавал. В письме матери Шпильрейн от 25 сентября 1905 года, оформленном в виде доклада профессору Фрейду, он писал, что пациентка “имела несчастье влюбиться в него”.

На протяжении нескольких последующих лет между Юнгом и Сабиной Шпильрейн установились не простые отношения. Молодая студентка не являлась его пациенткой в прямом смысле этого слова, но он оказывал ей всяческую поддержку. В письмах Фрейду он писал о том, что истерическая пациентка мечтает иметь от него ребенка Зигфрида, хотя он всегда вел по отношению к ней как джентельмен и намерения его были достойными.

Вместе с тем в письмах к Сабине Шпильрейн во время ее поездки на каникулы в Россию в 1908 году Юнг подчас называл ее “моя дорогая” и использовал такие эпитеты как “с сердечной любовью”. В свою очередь, возвратившись в Цюрих, Сабина писала своей матери о том, что Юнг полюбил ее, истеричку, а она полюбила психопата.

В этой истории Фрейд оказался своего рода посредником, к которому были вынуждены обратиться как Юнг, так и Шпильрейн. Юнгу пришлось признаться основателю психоанализа в

том, что он оказался пойманным в сети иллюзии, будто стал жертвой сексуальных хитростей пациентки. Шпильрейн писала Фрейд о том, что ей не безразлично его мнение о ней, она не является врагом Юнга и воспринимает его как своего взрослого ребенка, в которого вложила достаточно усилий, чтобы он мог жить независимо.

В письме Юнгу от 7 июня 1909 года Фрейд отметил явление переноса, во власти которого оказались и швейцарский врач, и его пациентка. Особый акцент был сделан им на переживаниях Юнга, связанных с тем, что позднее в психоанализе стало рассматриваться в качестве контрпереноса.

В связи с этим Фрейд писал:

“Такие переживания, хотя и болезненны, необходимы, и их сложно избежать. ... Они помогают выработать толстокожесть, в которой мы нуждаемся, и справляться с нашим “контрпереносом”, который в конечном счете представляет собой нашу постоянную проблему; они учат нас смещать наши аффекты ради лучших целей”.

При этом Фрейд замечал, что сам никогда не попадал в столь скверную ситуацию, в какой оказался Юнг. Вместе с тем он признавался в том, что неоднократно был близок к подобному положению и лишь ценой значительных усилий ему удавалось избегать подобной развязки.

Понимание профессионального риска опаленности жаром любви позволило Фрейду реально оценить всю сложность терапевтических отношений между врачом и пациентом. Если, первоначально доверившись объяснениям Юнга о попытках соблазнения его русской пациенткой, он занял его сторону и настороженно отнесся к Шпильрейн, то через некоторое время он был вынужден пересмотреть свое отношение к данному инциденту.

В середине 1909 года в письме к Шпильрейн он попросил у нее прощения за ранее имевшиеся у него неверные представления о ней. В связи с этим он подчеркнул:

“Однако тот факт, что я был не прав, и в ошибке стоит винить мужчину, а не женщину, как признает и сам мой юный друг, удовлетворяет мою потребность высоко ценить женщин. Пожалуйста, примите это выражение моей глубокой симпатии к достойному способу, которым Вы разрешили этот конфликт”.

В последующие годы Шпильрейн стала психоаналитиком. Она завершила докторскую диссертацию, которую готовила под руководством Юнга. С октября 1911 по март 1912 года находилась в Вене, где участвовала в собраниях Венского психоаналитического общества.

На одном из заседаний этого общества Шпильрейн выступила с докладом “Деструкция, как причина становления”, в котором высказала идею, в соответствии с которой смерть на службе сексуального инстинкта, т.е. как его разрушающая составляющая, ведущая к становлению, приносит благо, а инстинкт размножения является в равной мере инстинктом становления и инстинктом разрушения.

Летом 1912 года Шпильрейн вышла замуж за доктора Пауля Шефтеля, через год родила дочку Ренату. После разрыва между Фрейдом и Юнгом она сумела сохранить дружеские отношения с обоими, в 1921-1923 годах работала в Женеве. У нее проходил анализ позднее приобретший всемирную известность психолог Ж.Пиаже.

В 1923 году с одобрения Фрейда Шпильрейн вернулась в Россию, где использовала свои психоаналитические идеи в своей исследовательской и терапевтической деятельности. В Москве она работала врачом, была штатным сотрудником Государственного психоаналитического института, вела семинары по детскому психоанализу. В 1924 году по семейным обстоятельствам переехала в Ростов-на-Дону, где на протяжении более пятнадцати лет работала психотерапевтом и педологом.

Потеряв подвергнутых репрессиям братьев (профессор Исаак Шпильрейн был арестован в 1935 году, доцент Эмиль Шпильрейн и член-корреспондент АН СССР Ян Шпильрейн - в 1937 году), мужа, скончавшегося от разрыва сердца в 1937 году, и отца, умершего в 1938 году, Сабина Шпильрейн пережила первую оккупацию немцами Ростова-на-Дону в конце 1941 года. Ее жизнь оборвалась во время второй оккупации города нацистами в июле 1942 года.

История взаимоотношений между Юнгом и Сабиной Шпильрейн явилась для Фрейда одним из источников понимания феномена контрпереноса, того риска, которому может быть

подвержен психоаналитик, опаленный жаром любви в процессе своей терапевтической деятельности.

Размышления же Шпильрейн об инстинкте разрушения и смерти нашли свое отражение впоследствии в работе Фрейда “По ту сторону принципа удовольствия”(1920), в которой он дал свое обоснование идее о влечении к смерти и сослался на богатую по содержанию и глубокую по мыслям ее статью “Деструкция как причина становления”.

УЛИТКА

В работе “Моисей и Микеланджело”(1914) Фрейд заметил, что, хотя он не являлся большим знатоком искусства, тем не менее художественные произведения оказывали на него сильное воздействие. Особенно сильное воздействие на него оказывали литература и скульптура и в меньшей степени, как он сам отмечал, живопись.

И действительно, он мог долгое время любоваться какой-либо скульптурой или произведением древнего зодчества, но не испытывал особого удовольствия при виде полотен современных художников. Напротив, он весьма критически относился к модернистской живописи.

Так, в одном из писем Карлу Абрахаму, написанном в 1923 году, Фрейд со всей резкостью и прямотой высказал нелестное суждение по поводу присланного ему рисунка, на котором его берлинский коллега был изображен художником-экспрессионистом. Данный рисунок был воспринят им как “ужасный”, и он с осуждением отнесся к “слабости” Абрахама, проявившего терпимость и симпатию к подобному искусству.

Не проявляя интереса к модернистской живописи и отмечая то обстоятельство, что в отличие от художественной литературы и скульптуры, живопись как таковая не оказывает на него столь сильное воздействие, Фрейд тем не менее был любителем классики.

Известно, например, что в 1908 году, когда он совершил поездку в Манчестер к своему сводному брату Эммануилу, основатель психоанализа ненадолго останавливался в Гааге для того, чтобы посмотреть картины Рембранда. Во время этого путешествия он также побывал в Лондоне, где посетил Британский музей и Национальную галерею.

В Британском музее он любовался коллекцией древних ценностей, особенно египетских. В Национальной галерее – познакомился с английской живописью, представленной картинами Рейнолдса и Гейнсборо.

Из работы о Леонардо да Винчи, опубликованной им в 1910 году, можно судить о том, какое впечатление оказали на него полотна итальянского художника, особенно портрет Моны Лизы. Картина, на которой изображена загадочная улыбка Моны Лизы, до сих пор составляет, по его собственному выражению, “одно из величайших сокровищ Лувра”.

В июле 1938 года Стефан Цвейг просил Фрейда дать согласие на то, чтобы его посетил Сальвадор Дали. Цвейг считал Дали “единственным современным гением живописи” и писал основателю психоанализа о том, что испанский художник является его благодарнейшим учеником.

Фрейд согласился принять у себя “истинного гения”, как назвал его Цвейг. Встреча произошла 19 июля того же года в Лондоне, куда основателю психоанализа пришлось эмигрировать после захвата Вены нацистами. До этого Дали предпринял несколько безуспешных попыток встретиться с Фрейдом в Вене.

Во время этой встречи Дали показал основателю психоанализа свою картину “Метаморфозы Нарцисса”, написанную им между 1936 и 1937 годами. Картина, по словам Цвейга, возможно, была создана под влиянием Фрейда, и перед ее совершенством меркнут все современные полотна. Во время беседы художник сделал эскиз портрета Фрейда и произвел на него такое впечатление, что он даже изменил свое мнение о сюрреализме.

До встречи с Дали основатель психоанализа был склонен считать сюрреалистов, избравших его “ангелом-хранителем”, на 95 процентов дураками, как это бывает с алкоголиками. После встречи с Дали в письме к Цвейгу от 20 июля 1938 года он писал:

“Молодой испанец с доверчивыми глазами фанатика и безупречным техническим мастерством заслуживает другой оценки. Было бы и в самом деле интересно аналитически исследовать процесс создания такого рода картины. Ведь критически всегда можно было бы сказать, что понятие искусства не поддается расширению, если количественное отношение неоцененного материала и предварительной обработки преступает известную границу. Но в любом случае это серьезная психологическая проблема”.

В письме к Цвейгу Фрейд имел в виду картину Дали “Метаморфозы Нарцисса”. И хотя впоследствии испанский художник утверждал, что еще до их встречи основатель психоанализа восхищался его живописью, тем не менее, судя по всему, только во время личного знакомства Фрейд впервые имел возможность взглянуть на творения Дали.

Что касается интереса Дали к идеям основателя психоанализа, то он со всей очевидностью проявился как в личной жизни, так и в творчестве художника. Дали восхищался Фрейдом, чьи работы способствовали, по его собственному признанию, разрешению некоторых внутренних проблем. Идеи основателя психоанализа нашли свое отражение и в ряде произведений художника.

Так, в 1939 году Дали попала на глаза фотография с изображением ангелоподобного ребенка. Он тушью подрисовал на фотографии дохлую крысу с длинным хвостом так, что она оказалась в зубах ребенка, и акварелью изобразил сочащуюся из крысы кровь.

Позднее данная работа была представлена под названием “Болгарский ребенок, пожирающий крысу”. Сделанная Дали надпись на ней “Полиморфный извращенец Фрейда” свидетельствовала о знакомстве его с психоаналитической идеей, согласно которой ребенок, по выражению основателя психоанализа, является “полиморфно-извращенным существом”.

Делая карандашный набросок портрета Фрейда во время визита к нему, Дали заметил, что с точки зрения сюрреализма череп основателя психоанализа напоминает собой улитку. Интересно отметить, что около двери хозяина дома художник увидел улитку, которая находилась на сидении прислоненного к стене велосипеда.

После встречи с Фрейдом Дали сделал несколько карандашных рисунков, изображающих основателя психоанализа. На них просматривались по-разному прочерченные, но похожие на улитку контуры черепа Фрейда.

Один из таких рисунков Дали решил подарить основателю психоанализа. Он вручил его Цвейгу с просьбой передать Фрейду. Рисунок сопровождался надписью: “От Вашего восхищенного друга Сальвадора Дали”.

Цвейг не решился передать данный рисунок Фрейду. Видимо, он не был уверен, что изображение просвечивающегося сквозь кожу улиткообразного черепа вызовет чувство одобрения у основателя психоанализа. Скорее всего, зная отношение Фрейда к сюрреалистам, он не хотел, чтобы подобное рода изображение испортило впечатление основателя психоанализа от молодого художника. Тем более, что во время встречи в Лондоне Дали обратился с просьбой к Фрейду прочитать его статью “Новые соображения общего характера о механизме феномена паранойи с точки зрения сюрреализма”, но тот не выразил какого-либо желания ознакомиться с данной статьей.

Фрейд, после шестнадцатилетних мучений от заболевания раком, умер в 1939 году. Цвейг вместе со своей женой покончил с собой вскоре после начала Второй мировой войны. Сорок лет спустя, за девять лет до своей кончины, во время периода тяжелой депрессии Дали кричал: “Я – улитка!”

СУББОТНИЕ ВЕЧЕРА

Субботние вечера были тем временем, когда Фрейд освобождался от бремени психоанализа.

Как это может быть ни странно на первый взгляд, но работа с пациентами, снискавшая ему славу основателя психоанализа, воспринималась самим Фрейдом, как бремя, от которого он хотел, но никак не мог избавиться.

В студенческие годы он увлекся научными исследованиями и хотел стать ученым. Однако предстоящая женитьба и ответственность за материальное состояние будущей семьи вынудили его стать практикующим врачом. Так, вопреки своему собственному желанию Фрейду пришлось заняться медицинской практикой.

Со временем он стал основателем психоанализа и психоаналитического движения, приобрел всемирную известность как врач-психоаналитик. Тем не менее он постоянно мечтал освободиться от бремени работы с пациентами, чтобы заняться исследовательской деятельностью.

Только необходимость в финансовом обеспечении семьи вынуждала Фрейда не прекращать свою клиническую деятельность. Шесть дней в неделю с утра до вечера он принимал пациентов. Но субботние вечера и воскресный день были тем единственным временем, когда Фрейд мог позволить себе не быть практикующим психоаналитиком.

На протяжении многих лет каждое воскресенье он навещал свою мать, если она была в Вене. Его мать была энергичной и жизнерадостной женщиной. У нее было семеро детей, четырнадцать внуков и девятнадцать правнуков. Она отличалась здоровым чувством юмора, который сохранился у нее на всю жизнь.

Говорят, что однажды, будучи уже в преклонном возрасте, она примерила какую-то шляпку, но отказалась ее приобрести, поскольку, как она выразилась, эта шляпка старит ее. В другой раз, увидев свою фотографию в газете, опубликованную по случаю ее девяностопятилетия, она неодобрительно покачала головой и заметила, что на этой фотографии ей можно дать сто лет.

Мать Фрейда умерла в 1930 году в возрасте девяносто пяти лет.

Каждый субботний вечер Фрейд встречался со своими друзьями Леопольдом Кёнигштейном, Оскаром Рие, Людвигом Розенбергом и Йозефом Панетом, чтобы провести с ним время за карточной игрой в тарок. Друзья засиживались до часу ночи, наслаждаясь этой распространенной в то время в Австро-Венгерской республики карточной игрой и неотменным атрибутом их наслаждения - курением хороших сигар.

Подобно своей матери, порой также засиживавшейся за карточным столом до часу ночи, Фрейд не мог отказать себе в удовольствии посидеть с друзьями в субботний вечер, играя в тарок, как и не мог отказать себе в удовольствии выкурить хорошую сигару.

ЧУВСТВО ЮМОРА

Фрейд обладал отменным чувством юмора. Он относился с юмором не только к другим людям или обстоятельствам жизни, но и к самому себе.

В то время, когда он начал свою частную практику, Фрейду хотелось иметь как можно больше пациентов. Но те не спешили приходить к молодому врачу. Поначалу их было так мало, что он с юмором писал по этому поводу свояченице Минне Бернайс:

“Думаю, а не повесить ли мне в приемной свою фотографию с надписью “Наконец один”. Боюсь только, что, к сожалению, там некому будет ею любоваться”..

Во время Первой мировой войны, в мае 1916 года Фрейду исполнилось шестьдесят лет. Его двое сыновей сражались на итальянском фронте, и Фрейд, естественно, переживал за них. В этой обстановке он не только не собирался широко отмечать свое шестидесятилетие, но и хотел оставить его в секрете.

Тем не менее в некоторых газетах стали появляться заметки по поводу его дня рождения. На его имя стали поступать поздравления. В связи с этим Фрейд в присущей ему манере написал своему коллеге немецкому психоаналитику Карлу Абрахаму следующее:

“Я получил так много цветов из Вены, что проблема с погребальными венками теперь решена полностью, а Хичман прислал мне “непроизнесенную” речь. Она так трогательна и панегирична, что, когда придет время, - надгробный монолог уже не потребуется”.

В 1913 году Фрейду пришло письмо из департамента, в котором выражалось недоумение по поводу низкой суммы оплачиваемых им налогов с дохода, в то время как всем известно, что слава о нём простирается далеко за пределы Австрии. Ответ Фрейда был вежливым, но довольно едким:

“Проф. Фрейд очень польщён получением известия от правительства. Это первый случай, когда правительство обратило на него какое-то внимание, и он признает это. Однако не может согласиться с одним пунктом в присланном ему письме: что его слава простирается далеко за пределы Австрии. Она начинается на ее границе”.

В 1923 году, когда Фрейд обратился к врачу по поводу опухоли в горле и когда после операции возникла потребность оставить его на некоторое время в больнице, там не оказалось свободной палаты. Его решили поместить в небольшую комнатку, в которой находился карлик. Последнего охарактеризовали как кретина.

Говорят, что, когда врач извиняющимся тоном сказал об этом основателю психоанализа, то тот с присущим ему юмором и сарказмом ответил: “Теперь там будут двое”.

Некоторое время спустя после обнаружения рака челюсти и проведенных операций, Фрейд писал своему другу Карлу Абрахаму:

“Сегодня я сделал перевязку, встал с постели и запихнул все, что от меня осталось, в одежду”.

В середине 20-х годов Фрейд навещал Иветту Жильбер, которая приехала в Вену и остановилась в отеле “Бристоль”. Иветта была известной французской эстрадной певицей, которую он впервые увидел в 1889 году, когда принимал участие в работе проходившего в Париже Международного конгресса по гипнозу. Фрейду удалось побывать на одном ее выступлении. Позднее он познакомился с ней, они стали друзьями, и во время своих выступлений в Вене Иветта присылала Фрейду бесплатные билеты, а он старался не пропустить ее выступления, посылая ей букеты цветов.

К тому времени, о котором идет речь, Фрейд перенес ряд операций. Он носил протез, который он называл монстром. Ему трудно было говорить не только по-французски, но и по-немецки. Тем не менее он нашёл в себе силы для общения с любимой певицей. При этом он с иронией в свой адрес сказал мужу Иветты Жильберн, что, к сожалению, “его протез не говорит по-французски”.

В честь семидесятилетия Фрейда городской совет Фрайберга установил бронзовую доску с надписью на доме, в котором он родился. Во время торжественной церемонии улицы города были украшены флагами. По причине болезни Фрейд не мог присутствовать на данной церемонии и послал благодарственное письмо мэру города, которое было зачитано Анной Фрейд. Надо полагать Фрейду были приятны подобные почести. В то же время со свойственной ему иронией он заметил:

“Со времени присуждения мне премии имени Гёте мир изменил ко мне свое отношение в сторону неохотного признания, но лишь для того, чтобы показать мне, как мало все это в действительности значит. Каким контрастом всему этому были бы сносные протезы, которые не кричат во всю глотку о том, что они являются главной целью человеческого существования”.

В мае 1933 года, в день рождения Фрейда его лечащий врач Макс Шур обследовал основателя психоанализа. В это время жена Шура ждала появления на свет ребенка, рождение которого задерживалось. В конце визита врача Фрейд произнес следующие слова:

“Вы уходите от человека, который не хочет покидать этот мир, к ребенку, который не хочет входить в него”.

С приходом к власти нацистов психоанализ подвергся гонениям. В 1933 году в Германии происходило публичное сожжение тех книг, которые считались крамольными. Когда в Берлине очередь дошла до сожжения работ Фрейда, то их предали огню с комментариями, что они уничтожаются из-за унижающее достоинство человека преувеличение сексуальной жизни. В то время были сожжены также книги таких известных писателей, ученых как Эмиль Золя, Томас Манн, Марсель Пруст, Альберт Эйнштейн.

Узнав об этой варварской акции со стороны нацистов, Фрейд насмешливо произнес:

“Какой прогресс! В средние века они сожгли бы меня, а теперь удовлетворятся всего лишь сожжением моих книг”.

В мае 1938 года Фрейду пришлось пройти через все формальности, которые давали ему возможность получение визы на выезд из оккупированной Австрии. Одна из них состояла в том, что он должен был подписать любопытный для истории документ.

В этом документе от его имени содержался текст, в соответствии с которым профессор Фрейд подтверждал, что со времени аншлюса в Австрии германским рейхом германские власти, и особенно гестапо, относились к нему со всем уважением и вниманием, как того требует его научная репутация, что он мог жить и работать в абсолютной свободе, что он продолжал свою исследовательскую деятельность без каких-либо ограничений, получал всестороннюю поддержку в этом отношении и у него нет оснований для какой-либо жалобы.

Подписывая этот документ, Фрейд даже в подобной тяжелой обстановке сохранил чувство юмора и с присущей ему иронией поинтересовался у чиновника, не может ли он к данному тексту добавить одно предложение. А именно:

“Могу от всей души рекомендовать гестапо кому угодно”.

Правда, этот эпизод, воспроизводимый в различных исторических работах, известен со слов официального биографа Фрейда Эрнста Джонса, который в свою очередь почерпнул эту информацию от сына основателя психоанализа Мартина Фрейда. На обнаруженном впоследствии документе стоит только подпись Фрейда. Но вполне вероятно, что в свойственной ему иронической манере в момент подписания соответствующего документа Фрейд горел желанием произнести именно ту фразу, которую позднее высказал своему сыну.

Как бы там ни было, но Фрейд действительно не только ценил различные шутки, каламбуры и анекдоты, многие из которых он воспроизвел в своей работе “Остроумие и его отношение к бессознательному”, но и сам отличался тонким юмором и сарказмом

ПСИХОАНАЛИЗ НЕ ПРОДАЕТСЯ

Осенью 1920 года Фрейд написал письмо своему племяннику Эдварду Бернайсу, который в то время проживал в США. В этом письме он выразил желание подготовить несколько доступных статей о психоанализе для какого-нибудь солидного журнала.

Бернайс переговорил с руководством журнала “Космополитэн мэгэзин”, которое предложило Фрейду тысячу долларов за первую статью. Однако вместо предложенных основателем психоанализа тем, типа “Не используйте психоанализ в целях полемики”, ему хотели навязать такие темы как “Роль жены в доме” и “Роль мужа в доме”.

Получив соответствующее предложение, Фрейд был сильно разгневан, возмущен, оскорблен и ответил отказом. После этого случая он вообще не откликнулся на подобные предложения и все попытки со стороны различных изданий или кампаний соблазнить его большими деньгами, но поступиться своими принципами оказывались безуспешными.

Летом 1924 года Фрейд ответил отказом на предложение штатного сотрудника “Чикаго трибьюн” Селдза приехать в Чикаго, осуществить психоанализ двух студентов, которые совершили убийство четырнадцатилетнего мальчика, и дать экспертное заключение по этому поводу. За эту услугу ему предлагали заплатить двадцать пять тысяч долларов или любую сумму, которую он запросит. Предполагалось, что основатель психоанализа даст научное подтверждение тому, что молодых убийц не следует казнить.

В своем письме Селдзу Фрейд написал:

“В ответ могу сказать, что не рассчитываю, что буду в состоянии дать экспертное мнение об этих лицах и их деле, так как относительно него могу руководствоваться лишь газетными отчетами и не имею возможности провести личное расследование”.

В том же году голливудский кинопродюсер Сэмюэль Голдвин обратился к Фрейду с предложением сотрудничества в создании фильма, изображающего любовные сцены исторических персонажей, включая Антония и Клеопатру. За это сотрудничество ему предлагали заплатить сто тысяч долларов, что по тем временам было довольно большой суммой. Но Фрейд решительно отказался от подобного предложения.

В 1925 году немецкий режиссер Ганс Нойман предпринял попытку привлечь Фрейда к участию в работе над научно-популярным фильме о психоанализе. Основатель психоанализа отклонил данное предложение.

С подобной просьбой обратились к Абрахаму, который в то время был президентом Международной психоаналитической организации. Абрахам полагал, что будет лучше, если консультантом подобного фильма выступит психоаналитик-профессионал, чем какой-нибудь дилетант.

Фрейд не одобрил эту идею, поскольку считал, что формат фильма не позволяет адекватно отразить психоаналитические идеи. Вместе с тем он не наложил вето на то, чтобы Абрахам выступил в качестве консультанта при создании фильма о психоанализе.

Научно-популярный фильм о психоанализе “Тайны души” был снят и показан в кинотеатрах ряда столиц мира. Он сопровождался рекламой, что данный фильм снят “при участии Фрейда”. Естественно, это вызвало недовольство со стороны основателя психоанализа. Но он уже ничего не мог поделать.